

Геннадий Константинович ФРОЛОВ

Родился в селе Чагоян Шимановского района. Служил в армии. Заочно выучился на товаровед-продовольственных товаров. Работал судовым машинистом, проходчиком в шахте, шурфовщиком, грузчиком. Член Союза российских писателей, член Союза журналистов России.

Книга: Доля (повесть).

ПЕРВАЯ НОЧЬ ОТ СОТВОРЕНИЯ МИРА

(Новелла)

Ночь, большая река, бездонное звездное небо, палатка, маленький костер, пламя которого выхватывает темные загадочные силуэты деревьев. Слышны редкие голоса ночных птиц да мелодичное журчание реки, нарушаемое иногда всплеском какой-нибудь проснувшейся рыбы. Воздух напитан травами, цветами, ароматом деревьев, дымом костра. Все это окутано одухотворенным, первозданным покоем. Пошевеливая палочкой горящие головешки костра, Зоя мурлычет какую-то задушевную песенку. Развалившись в палатке, я через проем открытого полога смотрю на всю эту прелесть и силой своего воображения пытаюсь представить первую ночь Адама и Евы на этой, теперь уже грешной земле. Зоя не догадывается, даже не подозревает, чем занята моя голова. У нее что-то свое, интимное, скрытое от меня и от всего мира. Иногда ее оклик или какой-нибудь вопрос нарушает видение - все исчезает до следующих фантазий, мыслей.

Постепенно наваливается упоительная дремота. Заторможенное состояние теряет связь мыслей, силу воображения. Поэтому, пока не засну, я прошу у Богов принести ко мне в сон ту первую от сотворения мира ночь на этом берегу. Боги вняли мне. Я увидел ее. Она отличалась от этой лишь более терпкими пьянящими запахами первозданной земли, да к знакомым голосам ночи примешивались какие-то загадочные, мурлыкающие, ухающие, но очень мирные и успокаивающие голоса тех обитателей леса. На берегу так же, как и мы с Зоей, но без костра и палатки, слегка прикрывшись шкурками, мирно посапывали Адам и Ева или же первые, еще безмятежные, плоды их греха. Я по-человечески, по-хорошему позавидовал их мирному сну, их, еще не знающим войн и других катаклизмов цивилизации, сонным улыбкам. О них в мой сон о том далеком прошлом вошла мысль из настоящего: а не лучше ли было бы Адаму и Еве оставаться вдвоем на этой прекрасной земле - нашими символами во плоти. А

нам - потомкам их - при рождении сливаться с реками, лесами, травами, воздухом. Становиться тем, что я вижу, слышу, ощущаю, чем дышу сейчас. Становиться природой, растворяться в ней.

Но, увы, изменить ничего нельзя. Остается лишь надеяться на возрождение духовности, озарение разума в наших душах, чтобы не разорить, не догубить хотя бы то, что еще имеем. Чтобы и наши потомки могли наслаждаться такими ночами, дышать этим воздухом. Чтобы прелесть Божьего создания - природа - во всей своей красе радовала бы и их.

Мой сон был недолгим. С реки потянуло свежим предутренним ветерком, который захватил и унес его. Я проснулся. Рядом, накрывшись курткой, спала моя младшая восемнадцатилетняя дочь Зоя, увязавшаяся за мной на рыбалку. Поеживаясь, я вылез из палатки. Костер догорал. Дыма и пламени не было, лишь тускло - красные огоньки, пробивающиеся сквозь пепел головешек, говорили о его тлеющей жизни. Предутренний рассвет сперва очень робко голубил, серебрил, мешал свои краски с теменью ночи. Постепенно смелея, он все увереннее внедрялся в пока еще темное небо, сортировал звезды, снимал их с дежурства. Равномерно, приподнимая ночное покрывало, рассвет выставлял напоказ все, что прятала ночь. Вот уже показалось матовое покрывало реки - туман. Под ним, как и тысячи лет назад, Зоя несла свои воды в Амур, в Тихий океан. Низко над водой прошелестела стайка чирков, возвещая о своем пробуждении, о продолжении жизни, о зарождении нового, неведомо какого тысячелетия дня.